

Курдиновский В.И.

**Понятие владения, как
фактического отношения к вещи
в Псковской Судной Грамоте**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В11

В11 **В.И. К.**
Понятие владения, как фактического отношения к вещи в Псковской Судной Грамоте /
Курдиновский В.И. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 80 с.

ISBN 978-5-519-91908-1

ISBN 978-5-519-91908-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Спрашивается, если въ приведенныхъ постановленіяхъ Псковской Судной Грамоты идетъ рѣчь о разграниченіи вѣдомства намѣстника Владыки и другихъ судебныхъ органовъ, о присягѣ посадника, о судопроизводствѣ по дѣламъ о боѣ, грабежѣ и татьбѣ, если при томъ подѣ боемъ разумѣется нанесеніе личной обиды, подѣ грабежомъ — насильственное завладѣніе чужимъ движимымъ имуществомъ, подѣ татьбой — воровство, т. е. похищеніе тоже чужихъ, движимыхъ вещей, какимъ образомъ въ этихъ постановленіяхъ можно видѣть правила „законной защиты“ владѣнія, какъ „фактическаго отношенія къ вещи!“ Подобный выводъ нельзя не назвать довольно таки произвольнымъ. Если бы Псковская Судная Грамота допускала возможность грабежа и татьбы и по отношенію къ своему имуществу и преслѣдовала того, кто прибѣгъ къ самозащитѣ, такъ же, какъ и нарушителя правъ другого, въ признаніи нормами права татьбы и грабежа дѣяніями преступными можно бы видѣть средство охраны и владѣнія, какъ фактическаго отношенія. Но мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ къ подобному пониманію грабежа и татьбы въ этомъ памятникѣ. И не болѣе ли естественно допустить, что въ Псковской Судной Грамотѣ, какъ и нынѣ, грабежъ есть грабежъ и татьба — кража и что законодательство (или пошлина) Пскова заботилось объ охранѣ правъ на вещи, а не фактическаго къ нимъ отношенія?!

На основаніи приведенныхъ же статей проф. Энгельманъ приходитъ къ заключенію, что по Псковской Судной Грамотѣ „запрещается всякое самоуправство и всякія насилія: они подлежатъ суду княжескому“. Но въ приведенныхъ статьяхъ, во-первыхъ, идетъ рѣчь не только о судѣ княжескомъ, но и о судѣ намѣстника Владыки и о судѣ посадника; во-вторыхъ, — не о всякомъ самоуправствѣ и всякихъ насиліяхъ, а объ определенныхъ видахъ личныхъ преступленій (бой) и преступленій имущественныхъ, направленныхъ противъ чужихъ правъ на вещи (грабежъ, татьба). Псковская Судная Грамота, очевидно, не даетъ основаній и для второго заключенія проф. Энгельмана.

Равнымъ образомъ, не подтверждается и установленное проф. Энгельманомъ для Псковской Судной Грамоты положеніе: „опознавшій свою вещь у другого не долженъ самовольно отбирать ее, хотя бы владѣющій вещью и не купилъ ея, но нашелъ случайно“

Проф. Энгельманъ ссылается на стр. VIII строки 18—22 Псковской Судной Грамоты въ изданіи Мурзакевича: „а который человѣкъ оу человѣка знаетъ свое што изгибшее, а тому молвить то слово: купилъ есми на торгу, а тогожь есми не знаю оу кого купилъ; ино ему („владѣльцу“) правда дать („присягнуть“) на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а съ татемъ не подѣлился; а не

поставить его („того, у кого купилъ ту вещь“), а самъ не оукралъ, ни пословицы не было будетъ (т. е. „если не только нѣтъ доказательствъ на то, что онъ самъ укралъ вещь, но и молва народная его въ томъ не обвиняетъ“), ино тотъ („истецъ“) не доискался“ (Энгельманъ *ibid.* стр. 29). Проф. Энгельманъ ссылается и на строки 23—24 въ томъ же изданіи: „а кто што купилъ на чужей земли, или на городѣ, или найдетъ гдѣ, а кто поймается толко, ино тотъ судить какъ въ торгу („если“, переводить проф. Владимірскій-Будановъ, „кто купилъ вещь въ чужой землѣ, или городѣ, или нашелъ ее гдѣ-нибудь, а другой признаетъ ее своею, то дѣло рѣшается такъ же, какъ и при покупкѣ на торгу“ — Христоматія В. I изд. 1908 г. стр. 143 прим. 108).

Приведенныя статьи, какъ видно изъ ихъ содержанія, устанавливаютъ не правило „опознавшій свою вещь. у другого не долженъ самовольно отбирать ея“, а правило объ отводѣ подозрѣнія въ кражѣ вещи, т. е. говорятъ о томъ, какія доказательства (въ подтвержденіе правоты) могутъ быть представлены тѣмъ, кого обвиняютъ въ кражѣ, и каковъ исходъ процесса по обвиненію въ кражѣ, если соблюдены требованія закона. Объ этомъ искѣ сказано въ Псковской Судной Грамотѣ: „ино тотъ не доискался“, а не объ искѣ о правѣ на вещь или объ искѣ о защитѣ владѣнія. Не объ обвиненіи въ самоуправствѣ, а объ обвиненіи въ кражѣ идетъ рѣчь въ приведенныхъ статьяхъ Псковской Судной Грамоты.

Снова приходится сказать, что цитаты, сдѣланныя проф. Энгельманомъ, не подтверждаютъ выставленнаго имъ положенія.

Можно бы видѣть косвенное средство защиты владѣнія, какъ фактическаго отношенія къ вещи, въ слѣдующемъ постановленіи Псковской Судной Грамоты: „а разбой, находъ, грабежъ 9 гривенъ, а княжая продажа 19 денегъ, да 4 деньги князю и посаднику“ (Энгельманъ *ibid.* стр. 79; у проф. Владимірскаго-Буданова нѣсколько иное чтеніе — Христом. В. I стр. 128 прим. 9), если подъ разбоемъ и находомъ разумѣть и вторженіе и третьихъ лицъ въ сферу фактическаго отношенія лица къ вещи. Но такое пониманіе разбоя и находы, конечно, произвольно. Смыслъ слова „разбой“ въ Псковской Судной Грамотѣ неясенъ, а подъ „находомъ“ разумѣтся, по словамъ проф. Энгельмана, „покушеніе на грабежъ“, т. е. „насиловственное завладѣніе чужимъ (т. е., конечно, принадлежащимъ другому) движимымъ имуществомъ“ (Энгельманъ *ibid.* стр. 80).

Кромѣ защиты, владѣніе, какъ фактическое отношеніе, по Псковской Судной Грамотѣ, согласно мнѣнію проф. Энгельмана, имѣетъ и иное юридическое послѣдствіе. Оно „вслѣдствіе давности, при извѣстныхъ условіяхъ, могло перейти въ право собственности“.

Относительно этихъ условій проф. Энгельманъ говоритъ слѣ-

дующее. „Независимо отъ воли прежняго хозяина приобрѣтается право собственности на вещи недвижимыя давностью владѣнія. При этомъ Псковская Судная Грамота, кромѣ истеченія извѣстнаго времени (4 или 5 лѣтъ), требуетъ, чтобы владѣвшій землею или водою дѣйствительно пользовался, въ теченіе означеннаго времени, безспорно“ (ibid. стр. 19—20).

Въ другомъ сочиненіи (О давности по русскому гражданскому праву 1901 стр. 29—30) проф. Энгельманъ болѣе подробно останавливается на разсмотрѣніи условій давности по Псковской Судной Грамотѣ. „Главнѣйшія условія“, говоритъ онъ, „состоятъ въ слѣдующемъ: дѣйствительное господство надъ землею посредствомъ обработыванія, постоянного пользованія и исключительнаго владѣнія ею. Только тамъ, гдѣ существуетъ послѣднее, истеченіе времени можетъ имѣть вліяніе на приобрѣтеніе собственности. Что истеченіе времени считалось на второмъ планѣ, видно уже изъ образа опредѣленія срока времени: 4 или 5 лѣтъ. Недостатокъ опредѣленія о bona fides и iustus titulus объясняется изъ различія экономическихъ отношеній; первой же не требовалось даже по древнѣйшему римскому праву. При весьма развитыхъ экономическихъ отношеніяхъ usucapio римскаго права составляла охрану матеріально-справедливой дѣятельности противъ строгости формальнаго закона. Матеріальное право доказывалось существованіемъ iustus titulus. Давность владѣнія Псковской Грамоты образовалась при весьма неразвитыхъ экономическихъ отношеніяхъ. Земля безъ обработки сама по себѣ не имѣла почти никакой цѣнности, и только работа придавала ей цѣну. Работа собственно воспроизводила собственность, потому что понятіе о правѣ на вещь предполагаетъ, чтобы эта вещь имѣла какую бы то ни было цѣнность: на абсолютно безцѣнную вещь не существуетъ права собственности. При такихъ обстоятельствахъ весьма понятно, что не обращалось вниманія на bona fides и iustus titulus. Къ этому присоединяется еще то, что было въ интересѣ государства, получавшаго доходы (подати) по преимуществу съ обработанныхъ земель, какъ можно болѣе содѣйствовать развитію земледѣлія и покровительствовать его расширенію. Именно съ такой точки зрѣнія объясняется и образъ выраженія закона“.

Въ подтвержденіе сказаннаго проф. Энгельманъ ссылается на постановленіе Псковской Судной Грамоты: „а коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли ополней, или о водѣ, а будетъ на той земли дворъ, или ниви розстрадни, а стражетъ и владѣтъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, ино тому исцю съслатся на сосѣдъ, человекъ на 4 или на 5; а сусѣди ставъ, на коихъ шлются, да скажутъ какъ правъ передъ Богомъ, что чистъ, и той человекъ, который послался, стражетъ и владѣтъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, а супроти-

вень въ тѣ лѣта ни его судилъ, ни на землю наступался или на воду, ино земля его чиста или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ; а тако не доискался кто не судилъ, ни наступался въ ты лѣта. О лѣшей земли будетъ судъ, а положить грамоты двои на одну землю, а зайдутъ грамоты за грамоты, а исца оба возмутъ межниковъ, да оба изведутца... ино имъ присужати поле“.

Однако, эта статья не такъ ясна, какъ представляется по своему внѣшнему виду. Правда; въ томъ же смыслѣ понимаютъ эту статью и другіе писатели. Постановление о приобрѣтеніи права собственности на основаніи давностнаго владѣнія видитъ въ этой статьѣ проф. Неволинъ (Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ т. II § 286 стр. 182—183), человекъ, предостерегшій проф. Энгельмана, по его же собственнымъ словамъ, „отъ многихъ не совсѣмъ правильныхъ воззрѣній“ при написаніи имъ сочиненія „Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ“ (Предисловіе къ этой книгѣ стр. III). Такъ же понимаетъ эту статью и проф. Владимірскій-Будановъ (Обзоръ исторіи русскаго права изд. 1909 г. стр. 520—521; Хрестоматія В. I изд. 1908 г. стр. 130—131 прим. 31). Тѣмъ не менѣ ближайшій анализъ этой статьи даетъ основаніе для иныхъ заключеній.

Приведенная выше статья Псковской Судной Грамоты, какъ видно изъ ея содержанія, указываетъ правила для разрѣшенія спора о правѣ на землю при исключительныхъ условіяхъ. Какъ совершенно правильно замѣтилъ проф. Энгельманъ (О давности стр. 28—29; О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву 1859 стр. 49), другія статьи Псковской Судной Грамоты указываютъ, какъ разрѣшается споръ о правѣ на землю въ томъ случаѣ, если на судъ въ качествѣ доказательства фигурируютъ „грамоты“ Таковы статьи 10, 12, 13, 79, 106 Псковской Судной Грамоты въ изданіи проф. Владимірскаго-Буданова. Право собственности на землю, говоритъ проф. Энгельманъ, на основаніи Псковской Судной Грамоты, прежде всего доказывается актами, т. е. вопросъ о принадлежности этого права разрѣшается по названнымъ сейчасъ статьямъ. И только въ томъ случаѣ, „если акта вовсе не представлялось“ (Энгельманъ — О приобрѣтеніи права собственности стр. 49), „если тяжба была такова, что ни съ какой стороны право не могло быть доказано документами“ (Энгельманъ — О давности стр. 29), примѣнялась статья: „а коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли“, т. е. статья 9 въ изданіи проф. Владимірскаго-Буданова.

Какія же доказательства слѣдовало представить по этой статьѣ, чтобы рѣшить вопросъ, за кѣмъ должно признать право на землю или воду? На основаніи статьи 9-й, отвѣтчикъ, утверждающій, что земля и вода „его чиста“, долженъ сослаться въ подкрѣпленіе осно-

вательности своего утверждения на свидѣтельство оковыхъ людей — „сѣслатся на сосѣдѣ, чловѣкъ на 4 или на 5“. Послѣдніе должны удостовѣрить: 1) что „той чловѣкъ, который послался“, „чистѣ“¹⁾, 2) что онѣ „стражетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5“; 3) что „супротивенѣ (истецѣ) въ тѣ лѣта ни его судилъ, ни на землю наступался, или на воду“. Если все это удостовѣрено показаніемъ сосѣдей, въ такомъ случаѣ отвѣтчикѣ освобождается отъ присяги: „и цѣлованія ему нѣтъ“. При указанныхъ условіяхъ, кромѣ того, судѣ долженѣ былѣ склониться на сторону отвѣтчика: а тотѣ, „кто не судилъ, ни наступался въ ты лѣта“, „не доискался“, другими словами, судѣ долженѣ былѣ признать, что

1) Т. е., что онѣ говоритъ правду, утверждая, что онѣ — хозяинѣ спорнаго имущества.

Проф. Энгельманѣ нѣсколько иначе понимаетъ слово „чистѣ“ въ ст. 9-й Псков. Суд. Грам. (по изданію проф. Владимірскаго-Буданова). По его словамъ, „сосѣди, показывая, что отвѣтчикѣ „чистѣ“, удостовѣряютъ, что онѣ дѣйствительно владѣлъ этимъ имуществомъ, какъ своею собственностью“. Такѣ проф. Энгельманѣ говоритъ на стр. 20-й „Систематическаго изложенія законовъ гражданскихъ, содержащихся въ Псков. Суд. Гр.“ (стр. 20 прим. г). На стр. 17-й того же изслѣдованія онѣ даетъ иное толкованіе слова „чистѣ“ даже въ той же статьѣ 9-й (по изданію проф. Владимірскаго-Буданова). „Общаго названія для права собственности на вещи въ Псковской Судной Грамотѣ не имѣется“, говоритъ онѣ. „Употребляются для этого разныя описательныя выраженія, какъ-то: вещь „чисто его“, „земля или вода чиста“, „чисто купилъ“, „чисто отморшина“, „чисто рошеное“, или просто употребляется слово „свое“ (Прим. 4 на стр. 17, ссылка и на ст. 9-ю въ изданіи проф. Владимірскаго-Буданова, въ изданіи Мурзакевича — стр. 22-ю строки 17—19). Такимъ образомъ, по словамъ проф. Энгельмана, „чистѣ“ въ статьѣ 9-й имѣетъ двоякое значеніе: въ выраженіи „чистѣ той чловѣкъ...“ оно значитъ „онѣ дѣйствительно владѣлъ этимъ имуществомъ, какъ своею собственностью“, въ выраженіи „земля его чиста или вода“ — земля или вода принадлежитъ ему на правѣ собственности.

Нельзя не сказать, что такое толкованіе слова „чистѣ“ отличается нѣкоторой свободой. Непонятно, почему слово „чистѣ“ въ двухъ предложеніяхъ, въ которыхъ говорится объ одномъ и томъ же предметѣ (о принадлежности имущества), имѣетъ различное значеніе? Позволяемъ себѣ думать, что толкованіе слова „чистѣ“ у проф. Энгельмана вообще неточно.

Такъ, выраженія „чисто купилъ“ (ст. 46), „чисто отморшина“ (ст. 55), „чисто рошеное“ (ст. 110), какъ видно изъ текста Псковской Судной Грамоты, не означаютъ права собственности. Въ нихъ слово „чисто“ значитъ „вѣрно“, или болѣе точно — „дѣйствительно“: дѣйствительно купилъ, дѣйствительно наслѣдство, дѣйствительно выращенное. Равнымъ образомъ, и выраженіе „земля чиста или вода“ не имѣетъ того значенія, которое приписано ему проф. Энгельманомъ. Да такого выраженія и нѣтъ въ Псковской Судной Грамотѣ. Есть въ Грамотѣ выраженіе „земля его чиста или вода“ (ст. 9), въ которомъ принадлежность имущества обозначается словомъ „его“, а слово „чиста“ имѣетъ то же значеніе, что и въ статьяхъ 46, 55 и 110.

Можно думать, что и въ выраженіи ст. 9-й „... чистѣ... той чловѣкъ“ слово „чистѣ“ имѣетъ тотъ простой смыслъ, который съ нимъ соединяется и нынѣ „чистѣ“, т. е. правѣ, говоритъ правду.

право на землю или воду принадлежитъ отвѣтчику и что притязаніе истца не имѣетъ основаній.

Такимъ образомъ, въ томъ случаѣ, когда, при отсутствіи документовъ, свидѣтели (сосѣди) удостовѣрятъ, что отвѣтчику принадлежитъ право на землю или воду, что онъ-де 4 или 5 лѣтъ пользуется землею или водою, имѣетъ „на той земли домъ или нивы розстрадни“, когда при томъ истецъ не наступался на землю и воду 4 или 5 лѣтъ и не судился съ отвѣтчикомъ въ эти годы, судъ въ правѣ признать, и безъ присяги отвѣтчика, что право на землю или воду принадлежало и принадлежитъ отвѣтчику.

Что въ разбираемой статьѣ идетъ рѣчь не о приобрѣтеніи права собственности по давностному владѣнію, а о способѣ удостовѣренія уже возникшаго и существующаго права, это видно и изъ сопоставленія ст. 9-й со статьей 55-й Псковской Судной Грамоты, рассматривающей схожій казусъ. „А оу кого поимаются“, говорится въ ст. 55-й, „за отморшину отца его, или приказной, а и сусѣдомъ будетъ вѣдомо, или стороннимъ людемъ, а ставъ челоуѣкъ 4 или 5, а молвятъ какъ право передъ Богомъ, что чисто оу него отморшина отца его, ли приказное, ино оу кого поимался, и цѣлованія ему нѣтъ; а тотъ не доискала; а толко не¹⁾ будетъ челоуѣкъ 4 или 5, скажутъ какъ право передъ Богомъ, ино ему правда дать, какъ чисто отморшина“ Въ переводѣ проф. Владимірскаго-Буданова приведенная статья гласитъ слѣдующее: „если кто заявитъ притязаніе на вещь, доставшуюся кому-либо по наслѣдству отъ отца, или по завѣщанію, и если сосѣдямъ или стороннимъ людямъ будетъ извѣстно, (что вещь дѣйствительно перешла отъ отца), и челоуѣка 4 или 5 (изъ нихъ), ставши (передъ судомъ), скажутъ по истинѣ, какъ передъ Богомъ, что эта вещь дѣйствительно получена имъ по наслѣдству или по завѣщанію, то отвѣтчику и присягать не нужно, а истцу отказать. Но если не будетъ 4 или 5 челоуѣкъ, которые сказали бы по истинѣ, какъ передъ Богомъ, то отвѣтчика привести къ присягѣ въ томъ, что спорная вещь есть его отцовское наслѣдство“ (Христоматія В. I изд. 1908 г. стр. 145 прим. 117).

Спрашивается, не сходныя ли условія въ статьяхъ 55-й и ст. 9-й? Вся разница лишь въ обстановкѣ случая. Въ ст. 55-й обсуждается случай спора о правѣ на имущество, приобрѣтенное отвѣтчи-

¹⁾ „Не“ — поправка проф. Энгельмана (Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Пск. Суд. Грам. стр. 18 прим. е), принятая проф. Владимірскимъ-Будановымъ (Христоматія В. I стр. 145 прим. 116) и вполнѣ правильная. Въ статьѣ 56-й стоитъ: а не будетъ оу коего свидѣтелей“.

комъ путемъ наслѣдованія; въ ст. 9-й — о правѣ на недвижимое имущество, приобрѣтенное инымъ путемъ. И въ ст. 55-й, какъ и въ ст. 9-й, право, а не фактъ владѣнія, удостовѣряется показаніями 4 или 5 сосѣдей, при чемъ по ст. 55-й допускается и показаніе стороннихъ людей въ томъ же числѣ. Статья 55-я поясняетъ и выраженіе статьи 9-й „и цѣлованія ему нѣтъ“. По словамъ проф. Владимірскаго-Буданова, это выраженіе значитъ: „показанія сосѣдей нужны только для доказательства факта владѣнія“ (Христоматія В. I изд. 1908 г. стр. 130 прим. 30). Сопоставляя статью 55-ю со статьей 9-й, мы должны будемъ признать, что выраженіе ст. 9-й: „и цѣлованія ему нѣтъ“ значитъ и въ этой статьѣ то же, что и въ ст. 55-й, т. е. что отвѣтчику, если сосѣди покажутъ то, что требуется закономъ, „присягать ненужно“. И далѣе, какъ долженъ поступать судъ, разсматривающій казусъ ст. 9-й, въ томъ случаѣ, если сосѣди не покажутъ, что отвѣтчикъ чистъ, что онъ стражетъ и владѣть 4 или 5 лѣтъ и пр.? Судъ долженъ въ этомъ случаѣ „отвѣтчика привести къ присягѣ въ томъ, что спорная вещь есть его“ (переводъ статьи 55-й у проф. Владимірскаго-Буданова — Христоматія В. I изд. 1908 г. стр. 145 прим. 117).

Что статья 9-я не содержитъ въ себѣ постановленія о приобрѣтеніи права собственности по давностному владѣнію, это видно и изъ слѣдующихъ соображеній. Если бы въ этой статьѣ шла рѣчь о юридическихъ послѣдствіяхъ давностнаго владѣнія, если бы въ Псковѣ существовалъ такой законъ, что фактическое владѣніе въ теченіе 4-хъ или 5-ти лѣтъ превращается, по минованіи этого срока, въ право собственности, то этотъ законъ простирался бы и на тѣ случаи, когда право на вещь могло быть удостовѣрено документами, грамотами, — другими словами, истецъ, представившій несомнѣнные доказательства права собственности, терялъ бы это право при указанныхъ условіяхъ. Но Псковская Судная Грамота узаконяетъ: „а князю и посаднику грамотъ правыхъ¹⁾ не посужати, а

¹⁾ Въ этой статьѣ „правый“ значитъ „правильный“, „неподложный“. Правда, проф. Владимірскаго-Буданова статью 61-ю понимаетъ иначе. „Правая грамота“, говоритъ онъ, „судебный приговоръ.... Кажется, смыслъ статьи таковъ: дѣлъ, по которымъ уже разъ состоялся судебный приговоръ, не пересуживать, развѣ если будетъ подозрѣніе въ подложности правой грамоты или акта, тогда, изслѣдовавши дѣло, рѣшить дѣло судомъ. Иначе, какой юридическій смыслъ въ выраженіи: „грамотъ справедливыхъ не отвергать?“ (Христоматія Вып. I изд. 1908 г. стр. 147 прим. 133). Но въ 61-й статьѣ слово „правый“ не значитъ „справедливый“. Конечно, въ нашихъ памятникахъ оно употребляется и въ этомъ смыслѣ, напр., „въ то же время не бѣ въ Новгородѣ правды и праваго суда“ (Первая Новгородская Лѣтопись по Арх. сп. годъ 6953). Но въ статьѣ 61-й Псковской Судной Грамоты слово „правый“ значитъ именно „неподложный“, „достоверный“, „настоящій“, какъ противоположеніе слову „лживый“ или слову „подложный“ (см. Срезневскій-Мате-

лживыхъ грамотъ и доски, обыскавши правда, судомъ посудити“ (Псковская Судная Грамота ст. 61 по изданію проф. Владимірскаго-Буданова). Слѣдовательно, право на землю должно во всякомъ случаѣ быть признано за тѣмъ, кто представитъ правыя грамоты, хотя бы земля и находилась во владѣніи другого.

Изложенное показываетъ, что въ ст. 9-й Псковской Судной Грамоты трудно видѣть опредѣленіе о давности владѣнія. Статья 9-я, какъ видно изъ предыдущаго, указываетъ прежде всего порядокъ разрѣшенія спора о правѣ на землю при указанныхъ въ ней условіяхъ. Это — со стороны формальной, т. е. съ точки зрѣнія процессуальнаго права.

Но содержа въ себѣ процессуальную норму, статья 9-я Псковской Судной Грамоты заключаетъ въ себѣ и норму матеріальнаго гражданскаго права. Въ ней, очевидно, идетъ рѣчь объ одномъ изъ способовъ пріобрѣтенія права на землю, именно, о способѣ первоначальномъ.

Повидимому, смыслъ этой нормы гражданскаго права такой.

Въ Псковѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, господствующей формой владѣнія землею было издавна владѣніе общинное. Въ болѣе отдаленную отъ насъ эпоху, въ началѣ исторіи, общинное владѣніе землею отличалось слѣдующими чертами. Община имѣла, какъ выражается Н. Харузинъ, „верховныя права на всю принадлежащую ей землю“ (Этнографія т. III 1903 стр. 130), т. е. на территорію, ею занятую. Въ границахъ территоріи общины каждый изъ ея членовъ, съ явнаго или молчаливаго согласія общины, имѣлъ право пользованія участками, не состоявшими въ пользованіи общины, какъ цѣлаго, или отдѣльныхъ ея членовъ. Размѣры индивидуальнаго пользованія землею опредѣлялись по началамъ заимки: каждый изъ членовъ общины присваивалъ въ свое отдѣльное пользованіе столько общинной земли, сколько могъ занять фактически. При этомъ, право индивидуальнаго пользованія, при обиліи свободной земли, признавалось не только за тѣмъ, кто фактически пользовался занятымъ участкомъ, но и за тѣмъ, кто отмѣчалъ лишь данный участокъ, какъ захваченный (напр., опахалъ поле).

По мѣрѣ увеличенія населенія общины и уменьшенія свободныхъ земель, община вырабатываетъ нормы, стѣсняющія право заимки. Въ это время она, между прочимъ, иначе опредѣляетъ и моментъ установленія права пользованія занятымъ участкомъ „Прежнее право захватить участокъ земли“, говоритъ Н. Харузинъ,

„отмѣтивъ его, и затѣмъ, не пользуясь имъ, оставлять его въ своемъ владѣніи, при наступившемъ утѣсненіи, значительно измѣняется. Требуется, чтобы заимщикъ дѣйствительно потратилъ на захваченный участокъ свой трудъ и при томъ весьма скоро послѣ занятія его. Срокъ между внѣшнимъ выраженіемъ захвата (постановка зарубокъ и т. п.) и проявленіемъ фактическаго пользованія устанавливается обычаемъ самый короткій, обыкновенно едва только достаточный для того, чтобы пользованіе осуществилось. Если же за это время заимщикъ не успѣетъ приложить труда на свой участокъ, этотъ послѣдній становится свободнымъ, и другое лицо можетъ захватить его“ (Харузинъ — Этнографія III 1903 стр. 166).

Не имѣемъ ли мы въ статьѣ 9-й Псковской Судной Грамоты норму, ограничивающую право заимки общинной земли? Не стремится ли законодатель въ этой статьѣ разрѣшить коллизію между порядками заимки, практиковавшимися при обиліи свободныхъ общинныхъ земель, и новыми порядками заимки, народившимися при начавшемся „утѣсненіи“, когда население увеличилось и свободныхъ общинныхъ земель стало меньше? Нельзя ли видѣть въ ст. 9-й Псковской Судной Грамоты норму именно этого новаго періода въ жизни общины? Не имѣетъ ли приведенная статья такого смысла, изъ двухъ лицъ, претендующихъ на признаніе за ними права на землю или воду, это право признается за тѣмъ, кто не только занялъ участокъ, отмѣтивъ его, но и вложилъ въ участокъ свой трудъ въ теченіе 4-хъ или 5-ти лѣтъ, не встрѣчая ни фактическихъ, ни юридическихъ препятствій (наѣздъ, искъ) со стороны предшествовавшего заимщика (того, кто отмѣтилъ только участокъ, какъ занятый)?

Такое толкованіе статьи 9-й Псковской Судной Грамоты, думается намъ, ближе къ ея тексту, чѣмъ обычное толкованіе, видящее въ ней норму о приобрѣтеніи права собственности по давностному владѣнію.

На основаніи изложеннаго мы затрудняемся признать доказаннымъ утвержденіе проф. Энгельмана, что въ Псковской Судной Грамотѣ „владѣніе, какъ фактическое отношеніе къ вещи“, пользуется защитой и имѣетъ и другое юридическое послѣдствіе — переходитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ право собственности. Тѣ данныя, которыя приведены проф. Энгельманомъ въ подтвержденіе его мысли, при иномъ болѣе близкомъ къ тексту пониманіи, получаютъ иное освѣщеніе. Да и трудно допустить, чтобы въ Псковѣ, „при весьма неразвитыхъ экономическихъ отношеніяхъ“ (Энгельманъ — О давности стр. 29—30), могли выработаться такія сложныя юридическія понятія, какъ отвлеченное право собственности и владѣніе, какъ фактическое отношеніе къ вещи.

Проф. В. И. Курдиновскій.

